

Алла Кожина

Instytut Języka Polskiego PAN

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5498-7037>

e-mail: alla.kozhinowa@ijp.pan.pl

Несколько слов об истинных и ложных заимствованиях в славянских языках

Kilka słów o prawdziwych i fałszywych zapożyczeniach w językach słowiańskich

A few remarks on true and false borrowings in Slavic languages

Абстрактный

Статья посвящена проблеме этимологизации заимствований в славянских языках и диалектах и уточнению критериев разграничения истинных и ложных заимствований. Материал исследования охватывает данные литературных языков, диалектов и региональных словарей. Рассматриваются слова с инициальным сочетанием **šm-*, часто являющимся признаком заимствования из немецкого языка, например, в составе таких слов, восходящих к нем. *Schmirgel*, как словен. *šmirgel*, сербск. *шмиргла*, болг. *шмиргел*, польск. *szmergel*, чеш. *šmirgl*, словц. *šmirgel*, укр. диал. *Шміргіль*, блр. диал. *шмергель* и др. Однако существуют такие единицы, которые в некоторых языках или диалектах и в некоторых значениях можно считать заимствованиями, но в других случаях могут возникнуть сомнения в таком их статусе, например, польск. диал. *szmarować* ‘смазывать’, бел. диал. *шмара* ‘мазут’, хорв. *šmir* ‘смазка’, с одной стороны, и русск. диал. *отшмарить* ‘высечь, поколотить, побить’, пол. диал. *szmarować*, укр. диал. *шмарувати* ‘идти’. Также в отношении некоторых слов, представляющихся заимствованиями на основании фонетической оболочки, например, ниж.-лужицк. *šmul*, блр. диал. *шмуляр* ‘замараха’, могут быть найдены убедительные доказательства, что они таковыми не являются.

Ключевые слова: славянские языки, славянские диалекты, заимствования, этимология, ложные заимствования, языковые контакты, фонетические критерии

Abstrakt

Artykuł poświęcony jest problemowi etymologizacji zapożyczeń w językach i dialektach słowiańskich oraz doprecyzowaniu kryteriów rozróżniania zapożyczeń prawdziwych i fałszywych. Materiał badawczy obejmuje dane z języków literackich, dialektów oraz

словников региональных. Анализованы слова с инциальной збиткой *šm-, которая часто становится показателем заимствования из языка немецкого, например в словах производящих с немецким *Schmirgel*, таких как слова *šmírgel*, серб. *шмиргла*, болгар. *шмиргел*, пол. *szmergel*, чеш. *šmirgl*, словац. *šmírgeľ*, укр. диал. *шміргіль*, бел. диал. *шмергель* и др. Существуют, однако, единицы, которые в некоторых языках или диалектах и в определенных значениях можно считать заимствованиями, но в других случаях их статус вызывает сомнения, например пол. диал. *szmarować* 'смазывать', бел. диал. *шмапа* 'мазут', хорват. *šmîr* 'смаз', с одной стороны, и рус. диал. *отшмарить* 'хлестать, бить, толкать', пол. диал. *szmarować*, укр. диал. *шмарувати* 'идти', с другой стороны. Кроме того, в отношении некоторых слов, которые на основании своей фонетической формы выглядят как заимствования, например польск. *šmul*, бел. диал. *шмуляр* 'человек грязный, неопрятный', можно привести убедительные доказательства, что заимствованиями они не являются.

Слова ключевые: языки словенские, диалекты словенские, заимствования лексикальные, этимология, заимствования ложные, контакты языковые, критерии фонетические

Abstract

The article is devoted to the problem of etymologisation of borrowings in Slavic languages and dialects and to the issue of refining criteria for distinguishing true and false borrowings. The research material includes data from standard languages, dialects and regional dictionaries. The examined items are words with the initial cluster *šm-, which often serves as an indicator of borrowing from German, e.g. in words derived from Germ. *Schmirgel*, such as Slovene *šmírgel*, Serbian *шмиргла*, Bulgarian *шмиргел*, Polish *szmergel*, Czech *šmirgl*, Slovak *šmírgeľ*, Ukrainian dial. *шміргіль*, Belarusian dial. *шмергель*, and others. However, there are also items which in some languages or dialects and in certain meanings may be considered borrowings, but in other cases their status is unclear, for example Polish dial. *szmarować* 'to grease', Belarusian dial. *шмапа* 'fuel oil', Croatian *šmîr* 'grease', on the one hand, and Russian dial. *отшмарить* 'to flog, beat, thrash', on the other hand, Polish dial. *szmarować*, Ukrainian dial. *шмарувати* 'to walk'. Moreover, for some words that appear to be borrowings on the basis of their phonetic shape, e.g. Lower Lusatian *šmul*, Belarusian dial. *шмуляр* 'a dirty or untidy person', convincing evidence can be found that confirms that they actually are not borrowings.

Keywords: Slavic languages, Slavic dialects, lexical borrowings, etymology, false borrowings, language contact, phonetic criteria

Займствованиям в славянских языках и диалектах посвящена обширная литература, чаще всего обсуждаются методы, типология и адаптация займствований и т.д. (см., например, Ва́ňко (red.) 2016: 13). Значительно реже обсуждается сам факт их иноязычности. Такая этимологизация особенно важна при контактах близкородственных языков: „Близость восточнославянских языков [к польскому – А.К.] и сходство их структуры затрудняют этимологизацию восточных займствований, создают немало проблем в т.ч. при отделении восточнославянизмов от архаизмов, а также лексических инноваций, которые возникают в результате эволюционных процессов в польском языке,

параллельных к восточнославянским явлениям” [перевод мой – А.К.] (Kostecka-Sadowa 2015: 19). Сомнения в определении происхождения слова могут возникнуть не только в случае близкородственных языков. В.В. Виноградов убедительно доказал, что слово *ахиня*, для которого традиционно выстраивалось греческое происхождение (<*афиня), таковым не является, но попало в литературный язык из русских диалектов (Vinogradov 1999), хотя наличие инициального *а* считается одним из основных признаков заимствованного слова, а *х* систематически заменяло *ф* при попадании грецизмов в русский язык.

Фонетическая оболочка слова нередко прямо указывает на заимствование: некоторые сочетания не могли естественно возникнуть в системе языка-реципиента.

Инициальные сочетания глухого небного с сонорным (*šl-, *šr-, *šn-, *šm-) не были характерны для праславянского языка. Хотя они и не нарушали закона восходящей звучности, в такой последовательности звуков не было предпосылок для появления глухого переднеязычного. Сочетания зубного проточного с сонорным (*sl-, *sr-, *sm-, *sn-) были обычны (см. Meillet 1951: 109 и далее), но *s не мог перейти в *š, поскольку для этого требовалось бы *j, что нарушало бы восходящую звучность, поскольку возникла бы группа из двух сонорных, в которой *j был бы более звучным звуком. Позднее возможности появления *š в сочетаниях подобного рода расширяются, появляются сочетания типа *šl- (Stiber 1979: 84; Trubačev 1957: 37). Однако если появление сочетания *š с плавным было возможно на ранней славянской почве, то его комбинаций с носовым *m отмечено не было (Stiber 1979: 84).

Соответственно, слова с инициальным *šm- в славянских языках возникли разными путями, прежде всего в результате заимствований из немецкого.

Во многих славянских языках есть слова, **восходящие к нем.** *Schmirgel*: словен. *šmírgel* ‘наждачная бумага’ (SSKJ: 1040); сербск. *шмиргл* ‘разновидность корунда; средство для чистки’ (RSJ: 1515), болг. *шмиргел* ‘вид твердого минерала, растертого в порошок и спрессованного; ‘точило из такого минерала’ (RSBKE: 654); польск. *szmergel* (WSJP); польск. диал. *szmyrgiel* (Milerski 2009: 331); чеш. лит. и диал. *šmirgl* (SSJČ; Gregor 1959: 159); словц. *šmirgel* (SSJ: 433) ‘наждачная бумага’. В восточнославянских языках есть подобные лексемы, но присутствуют только в диалектах, причем на украинской территории зафиксированы единично в закарпатских говорах (укр. диал. *šmírgel* ‘точильный камень’ (Nikolaev, Tolstaâ 2001: 181), *шмиргіль* ‘наждачная бумага’ (Sabadoš 2008: 422)), а в белорусских диалектах квалифициру-

ются как опосредованное заимствование через польский: блр. диал. *шмергель, шмэргаль* ‘точило, брусок’ (Mackevič (rèd.) 1986: 488), *шмэргель* ‘наждак’ (Lastoŭski 1924: 346). В русских говорах такие лексемы не обнаружены.

Сочетание **šm-* появляется в заимствованных словах на месте немецкого сочетания **sm-*, причем в одной подгруппе и даже в диалектах одного языка встречаются оба варианта, возможно, из-за того, что в немецком языке на различных этапах развития и в различных диалектах могли быть представлены разные варианты. Показательным является **корень **smak-* / *šmak-***. Западнославянские языки заимствуют его из ст.-в.-н. или ср.-в.-н. *smac / smach / smacke* (совр. нем. *Geschmack*) (Machek 1971: 617; Boryś 2005: 561), далее, предположительно, из польского он попадает в восточнославянские языки. Однако в чеш. (SSJČ), словац. (SSJ: 432) в.-луж. (Pful 1968: 721) он представлен как *šmak*, в польском литературном как *smak, smakować* (WSJP), но в диалектах встречается также *szmak* (Krop i in. 1995: 284), *szmakować* (Milerski 2009: 330). В восточнославянских литературных языках и диалектах это слово и его производные представлены только с инициальным [s].

Чередования инициального звука имеют место также в случае **заимствованного из нем. *Schmalz*** ‘вытопленный жир’: польск. *szmалеc/smalec* в значении ‘пищевой жир животного происхождения’ (ср. польск. диал. *szmolec* (Milerski 2009: 331), укр. диал. *смалець* (Duda 2009: 309), рус. *смалец* (BTSRÂ 2000: 1215), диал. *шмалец* ‘гусиное сало’ (Manaenkova 1989: 227).

В разговорном польском языке есть слово *szmal* в значении ‘деньги, наличные’, пришедшего первоначально в польское воровское арг, возможно, через идиш, из соответствующего варианта немецкого языка, где *Schmalz* имело значение ‘штраф’. Функционируя в городских жаргонах, слово приобретает ряд значений – ‘штраф, взятка, прибыль; деньги, наличные’ (Dubisz 2018: 85). В словацком же языке это слово присутствует в несколько ином значении: *šmal’* ‘негодяй, мошенник, лжец’ (SSJ 432). Объяснение подобному развитию семантики можно обнаружить в деривационном развитии польского слова – во время фашистской оккупации это слово приобрело значение ‘выкуп, который обычно заставляли платить евреев под угрозой выдачи их в руки гестапо’ (Dubisz 2018: 86), откуда можно предположить метонимическое перенесение названия на лицо, ведущее себя подобным образом и позднее метафорическое возникновение негативной характеристики человека, появившееся в словацком языке, где также присутствует слово *šmalec* в первоначальном значении ‘вытопленный жир’.

Семантическая и фонетическая модификация иноязычной лексики возможна еще на уровне языка-донора. По славянским диалектам рассеяны слова **с иной деривацией приведенного выше корня**: польск. диал. *szmelcer* ‘wytapiacz, wielkopiecownik’ (Milerski 330; Krop 1995: 284); русск. диал. *шмельцер* ‘плавильщик на заводах’ (Даль 1882: 660). Оба варианта связаны с нем. *schmelzen* ‘стать жидким, расплавиться’, имеющим прагерманскую основу (DWDS), и их фонетическое и смысловое (*Schmelz* ‘сплав металла’) разделение произошло еще на немецкой почве. Однако далее семантическое развитие в немецком и славянских языках пошло в совершенно различных направлениях. Если в немецком языке существительное *Schmelz* начало обозначать ‘мягкое выражение лица; мягкий звук, благозвучие; мягкий, нежный блеск’ (DWDS), то в польском оно приобрело значение ‘металлический лом, использованные, испорченные металлические предметы’ (WSJP), ср. укр. диал. *шмельц* ‘остатки расплавленного металла или растопленного жира’ с позднейшим метафорическим переносом ‘ненужная вещи’ (Pirtej 2004: 350), также в других диалектах *шмилыц* ‘ненужные вещи’¹ (Savčuk 2012: 101), *шмельц* ‘ненужное; мелочи, ерунда; мелкие карты’ (Hobzej ta in. 2009: 633), причем очевидной является западная их локализация: лемковские, карпатские, львовские.

Еще одним примером замены инициального согласного, сопровождающейся при этом изменениями корневого гласного, могут служить **континуанты ср.-в.-нем. *smër*** ‘свиной жир’ (Boryś 2005: 562). В польском литературном языке имеем *smar* ‘субстанция для смазывания предметов, чтобы избежать трения’, *smarować* ‘смазывать’, *smarowidło* ‘маслянистая субстанция для смазывания’ (WSJP), а в диалектах встречаем *szmarować* и *śmarować* (Milerski 2009: 330; Krop 1995: 284). В верхнелужицком языке также отсутствует однозначное фонетическое представление: *šmarać*, *smarować* (Pful 1968: 724). В украинском языке представлены слова *шмаровидло* ‘мазут’, *шмаровоз* ‘тот, кто смазывает возы и бывает загрязненным дегтем’, *шмарувати* ‘смазывать’ (SUM 11²: 498), однако в диалектах встречаются также *смар*, *смаровидло*, *(по)смарувати* и *смаровоз* (SUM 9: 396; Duda 2009: 146-147, 262; Hobzej ta in. 2009: 528). В белорусских диалектах преимущественно встречаются варианты с инициальным [š]: *шмара* ‘мазут’

¹ В этом случае автор словаря указывает происхождение слова от нем. *Schmutz* ‘грязь’, однако невозможность преобразований, которые объединяли бы звуковые оболочки данных лексем и приведенные выше рассуждения заставляют в этом усомниться.

² Здесь и далее при указании словаря цифрами приводится его выпуск.

(Kuncëvič (red.) 2008: 72), *шмаравідла* ‘колесная мазь’ (Kas’pârovič 1927: 373); *шмаравоз* (Kryvicki, Maskevič 1977: 44) и *шмаровуз* (Klunduk 2010: 97) ‘грязный человек’, глагол *шмараваць* и его разнообразные префиксальные дериваты (*нашмараваць*, *нашмараваць* и т.д.) с указанным значением, однако встречается и *пасмараваць* (Aničenka i inš. 2003: 227).

В других западнославянских языках, как и русском литературном языке и диалектах, этот корень в рассматриваемых значениях ‘смазывать (мазут, дегтем) > пачкать смазкой > пачкать’ не был обнаружен. Есть только отдельные случаи в переходных белорусско-русских говорах: смолен. *обишмарованный* ‘запачканный’, *обишмаровать* ‘запачкать’, зап. брян. *обишмароваться* ‘запачкаться’ (SRNG 22: 257), *ушмароваться* ‘испачкаться, измазаться’ (SRNG 49: 21), а также в русских говорах на территории Литвы и Латвии, где их появление можно объяснить проникновением из польских островных говоров: *вышмаровать* ‘начистить (обувь); вымыть, вычистить’ (SRNG 6: 62); *нашмаровать* ‘намазать, смазать’ (SRNG 20: 300); *пошмаровать* ‘помазать, смазать (мазью, кремом и т.п.)’ (SRNG 31: 37).

В славянских языках и диалектах встречается также вариант *šmír*, например, в словенском языке, где это слово имеет значение ‘колесная смазка’ (SSKJ 1040), хорв. *šmír* (HJP), ср. в гуцульских диалектах украинского языка *шмір* ‘мазут, деготь’ (Guzar ta in. 1997: 218) и во львовском городском говоре *шмір* ‘деготь, грязь’ (Hobzej ta in. 2009: 633). Предположительно, отсюда выводится словен. *šmíra* и хорв. *šmíra* ‘актерская импровизация’, но и ‘нечто, плохо сделанное, плохая работа’ (SSKJ 1040; HJP), а также серб. *шмира* ‘плохая работа’ (RSJ 1515), ср. объединяющее оба значения чеш. *šmíra* ‘плохое театральное общество’ (Rejzek 2001: 635). Подобный переход от представления о пачкающем дегте к грязи вообще, а далее к плохой (грязной) работе, наблюдается и у нем. *schmierem*, означающего ‘смазывать’, но и ‘пачкать; давать взятку’.

Следует принимать во внимание и то, что рассматриваемые языки контактировали не только с немецким и его диалектами, но и с идиш, где немецкое составляющее было весьма ощутимым. Б.А. Ларин обращал внимание на подобного рода омоним, указывая на интересные пути развития семантики, основанные на взаимных языковых контактах: „и в нашем арг, и в немецком, и в польском давно существует заимствованное от евреев древнееврейское слово *шмира* ‘охрана, стража’ (и отсюда русское новообразование: *шмирник* ‘ночной сторож’); rw. *Schmiere* ‘стража, караульные во время налета’, *Schmierem* ‘сторожа,

солдаты', *Schmiere stehen* 'стоять на страже во время кражи', *heimliche Schmiere* 'ночные сторожа'. В чешском аргю (Puchmayer) *šmir* 'ночной сторож', *šmírowat* 'быть на страже'. В польском аргю: *szmir* 'стража', на *szmirze stać* 'стоять на страже'. В среде немецких воров это слово было осмыслено как производное от нем. *schmieren* 'мазать, смазывать', *Schmiere* 'мазь'. Отсюда и слово *Butter* приобрело в немецком аргю новое значение 'наблюдатель, сторож'. Далее образуется речение *Butter stehen* 'стоять на страже, караулить во время налета'. Один из этих арготических неологизмов попадает через воров-гастролеров и к нам: *масло* 'солдат'. На почве русского аргю этой метафоры никак не понять – она оказывается заимствованной; источник заимствования совершенно ясен, так как очевиден механизм этого семантического неологизма в системе немецкого аргю" (Ларин 1931: 129). Сюда в качестве примера можно добавить и львов. *шмір* 'стража' (*стояти на шмірі, тримати шмір* = *шмірувати, шмірак* 'солдат', 'стоящий на страже во время грабежа') (Hobzej ta in. 2009).

Помимо того, что при анализе подобных образований необходимо дифференцировать корни, от которых они могут быть образованы, проблема может возникать при определении, **является ли данная единица заимствованием** в принципе. Так, словен. *šmáren* происходит от *šmarijin* < *š(ent) *Marijin* 'от святой Марии' (см. Snoj 2016: 745), ср. топонимы *Šmihel*, *Šmarjeta*, *Šmartin*, *Štandrež* (там же: 755). Однако наряду с этими словами в словенском языке присутствует наречие *šmárno* 'плохо, некачественно', которое уже считается заимствованием из баварского нем. *Schmarren* (Snoj 2016: 755).

Этимологический словарь украинского языка объясняет диалектный глагол *шмаритися* 'появляться в большом количестве' как производное от *шмарувати* 'смазывать', возводя его к немецкому заимствованию (ESUM 6: 444). Однако в том же словаре указывается еще одно значение последнего глагола – 'ходить' (там же: 445). Также с объяснением происхождения заимствованием через словацкий язык из немецкого *Schmarre* 'шрам, рубец' приводятся глаголы *шмаряти*, *шмарити* 'кидать', бить (особенно кнутом) со ссылкой на этимологический словарь чешского языка В. Махека. Однако далее авторы украинского словаря со ссылкой на тот же словарь Махека возводят нем. *Schmarre* к *schmieren*. Однако в чешском этимологическом словаре такая мотивационная цепочка отсутствует (см. Machek 1971: 617), и это понятно, поскольку традиционно *Schmarre* возводится к ср.-в.-нем. *smurre* 'удар', а дальнейшие подробности его происхождения неизвестны (DWDS).

Действительно, появление в украинских диалектах образований с подобной формой и значением (ср. укр. диал. *шмарувать* 'идти' (Šabanenko 1992: 241); *вышмарити* 'выкинуть' (Duda 2009: 60)) можно объяснить проникновением из западно-европейских языков, где они представлены достаточно широко, ср. словац. лит. и диал. *šmarit' // šmerit' // šmárit' // šmierat'* 'ходить; бросать' (SSJ: 432), *zašmarit'* 'заходить' (там же, 536), пол. диал. *szmarować* 'идти, быстро маршировать; убираться вон' (Milerski 2009: 330), пол. диал. *smara, smary* 'битьё, избивание', *smarnąć* 'ударить' (Wronicz (red.) 2010: 260). Однако возникает вопрос – как объяснить наличие образований с таким же корнем и с таким значением в русских диалектах, расположенных вдалеке от западной границы их распространения, куда не проникли даже единицы со значением 'смазывать, пачкать', ср. новг., тул. и др. *ошмарить* / *ошморить* 'сильно ударить; ошеломить, озадачить' (SRNG 25: 92), вят., кемер. *обушмарить* 'ударом ошеломить; привести в состояние замешательства; одурманить'; волог. *зашмарить* 'опьянить, ударить в голову' (SRNG 11: 191); пск., твер. *отишмарить* 'высесть, поколотить' (SRNG 25: 10); *ошмара* перм. 'палка, дубинка', тобол. 'об очень крепком табаке' (SRNG 25: 93), причем возможны варианты с иным инициальным гласным корня: южн. *отсмаровать* 'высесть' (SRNG 24: 318).

У рассматриваемого корня в русских диалектах можно обнаружить определенную связь с идеей движения: *отишмарить* 'прогнать, заставить уйти' (SRNG 25: 10); *приошмаривать* 'искать' (SRNG 31: 330), ср. *отишмаривать* 'старательно делать ч.-л.' (SRNG 25: 10); *приушмариться* / *приушмориться* 'устать, утомиться' (SRNG 32: 46). Возможно, с результатом движения как трения, приводящего к возникновению неровностей, связано дальнейшее развитие семантики корня *шмар-*: *шмариться* 'мохнатиться, делаться шероховатым' (Mel'ničenko 1961: 219), *зашмарить* 'замохнатить' (SRNG 11 191), *шмаругать* 'обрывать' (Fedorov (red.) 1979: 599). Сюда же можно отнести представленные в большом количестве в русских диалектах лексемы, представляющие идею ухаживания: *шмарить* 'ухаживать за женщиной', *шмара* 'любимый человек' (Rogova 1968: 436); *шмара* 'женщина легкого поведения' (Fedorov 1979: 599); *отишмарить* 'перестать ухаживать за девушками' (SRNG 25: 10). В этом случае развитие значения 'ухаживать, любить' на основе значений 'дергать, тереть' можно продемонстрировать примером кашуб. *stukać* 'тереть между пальцами, обрывать, вылуцивать семена' > 'проявлять чувства при помощи поглаживания, ласкать' (Sychta 1972: 94). В польской диалектной речи также встречаем *szmarówka*

‘женщина легкого поведения’ (Krop 1995: 284), ср. блр. диал. *шмара* ‘тот, кто любит ходить в гости’ (Scăsko 2005: 139).

Можно предположить, что появление в славянских языках, по крайней мере, части лексем с корнем **šmar-* может не быть непосредственно связано с заимствованием, а возникать иным образом, например, в связи с реализацией экспрессивной функции языка, поскольку большинство приведенных слов содержит в своей семантике явный экспрессивный компонент.

Есть и другие примеры с неясной этимологией, где **предположительное заимствование может не найти подтверждения** при анализе большого количества фактов.

Корень **šmul-*, представленный в различных славянских диалектах, реализует целую гамму значений, подобной той, которая обнаруживалась у рассмотренного выше корня **šmar-*, т.е. представляющих трение, в том числе и в связи с собирательством плодов (болг. диал. *шмуля* ‘быстро собирая, ем плоды вместе с листьями’ (Todorov, Račeva 2010: 209); польск. диал. *śmulać* ‘тереть’ (SB: 35), *prześmulany* ‘перетертый, тщательно вымытый’, *śmulać* ‘тереть, мыть, тянуть взад-вперед’ (Baciewicz 2021: 88); блр. диал. *шмулинья* ‘трение’ (Bál’kevič 1970: 499), *шмуляты* ‘тереть; резать тупым’ (Alâhnovič i inš. 1989: 262); укр. диал. *шмулигати* ‘тереть’ (Sabadoš 2008: 422), *шмулети* ‘очищать волокна конопли или льна’ (Šilo 2008: 281), рус. диал.³ *шмульгать* ‘обдирать с веток’ (SB: 35), *отшмулевать* ‘отчистить, отстирать’ (SRNG 25: 11), *обшмульгать* ‘обтрепать’, *обшмулить* ‘сделать что-л. более гладким путем трения’ (SRNG 22: 272); движение и избиение (блр. диал. *шмульнуць* ‘хлестануть, ударить’ (Alâhnovič i inš. 1989: 262), *шмуляваннік / шмуляванніца* ‘тот, кто ездит непрерывно; тот, кто хлестает’ (Ůrčanka 1998: 343), а также загрязнение (ниж.-лужицк. *šmul* ‘замараха’ (Mucke 1928: 656), блр. диал. *шмуль*, *шмуляр* ‘тот, кто ходит в заношенной одежде’ (Scăsko 1970: 179), *зашмуленік* ‘тот, кто ходит в грязной одежде’ (там же: 12). Обращает на себя внимание и слово из польского сленга: *szmul* ‘девушка, любящая секс без обязательств’ (SS).

В «Словаре балтизмов в славянских языках» эти дериваты относятся к балтизмам, однако в одной статье сопоставляются с лтш. *(ap)smulēt* ‘загрязнить’, лит. *šmulinti* ‘тереть, лукавить, обманывать’ (SB: 35), в другой же – с лит. *šmulis* ‘лысый, комолый, безрогий’ (SB: 136). Сомнение в этом высказал А.Е. Аникин (Anikin 2002: 30), вернувшись к старой версии, предложенной М. Фасмером: *шмўлька*, *шмулевáть*

³ Подробнее об этом корне в русских диалектах см. Kozhinowa, Šerbač (2005).

< *шмуль* ‘презрительное прозвище еврея’ < идиш *Schmul* ‘Самуэль’ (Vasmer 1987: 460). Эта версия представляется лежащей на поверхности, недаром Э. Мука объединил в одной словарной статье два значения – *šmul* ‘иронически о евреях’ и ‘замараха’ (Mucke 1928: 656), и поэтому сомнительной: „трудности “прозрачных” слов по-прежнему подстерегают исследователя, которому может показаться, что, раз он знает и видит состав слова, он может “прочитать” его значение” (Trubačev 1985: 14). Сомнение вызывает значение глагола у М. Фасмера – *шмулевать* ‘рьяно, усердно заниматься каким-нибудь делом’, со ссылкой на словарь Добровольского, поскольку непонятно, каким образом подобная семантика выкристаллизовывается из презрительного прозвища⁴.

Любопытную вариацию значений представляет этот корень и в кашубских говорах, ср. *šmulěć* ‘обманывать’ и *šmula* ‘безрогая корова’ (Sychta 1972: 275). Сомнений добавляет и обнаружение подобного болгарского образования – диал. *шмуля* ‘быстро собирать плоды вместе с листьями’ (RSBKE 1959: 655), поскольку трудно представить такой широкий радиус распространения заимствования из идиш. Кроме того, в болгарском есть единицы с иным инициальным согласным – *смуля* ‘сдираю листья рукой, проводя ею по стеблю’; *смулем* ‘быстро, с шумом собираю плоды или траву’ (Todorov, Račeva 2010: 209), а в белорусских диалектах встречаем образование *смулець* ‘поспешно идти’ (Kryvicki 1987: 65), что еще больше позволяет усомниться в происхождении рассматриваемого корня от конкретного имени собственного.

Анализ семантики лексем с компонентом **šmul-* позволяет обнаружить общее составляющее, а именно, идею трения как движения в разных направлениях, дающую возможность объяснить возникновение всех типов приведенных значений: загрязнения от долгой носки (затертости) и очищения путем оттирания; обтрепывания и, наоборот, сглаживания; сдирания с веток и избиения; частых поездок и старательного выполнения монотонной работы, а также полового контакта. Как представляется, именно эта идея составляет основу праслав. **muliti* (*se*), давшего начало таким лексемам, как, например, сербохорв. диал. *múliti* ‘дробить, шелушить; обрывать листья’, словен. *múliti* ‘стесывать, притуплять’, чеш. *mouliti* ‘медленно, с трудом жевать’, рус. диал. *мúлить* ‘тереть, нагнетать, жать, производя зуд и боль’, укр. *мúлити* ‘жать, давить, тереть; не давать покоя’, блр. *муліцца* ‘натирать’ (ÈSSÂ: 181–182), а также болг. *муля*, *мулям*, к которому

⁴ Кроме того, в упомянутом словаре нет даже намека на национальное происхождение этой лексемы (Dobrovol'skij 1914: 1006).

этимологический словарь болгарского языка и относит глагол *смуля*, *смулем* (Todorov, Račeva 2010: 207).

Что касается происхождения самого корня, словарь не дает однозначного ответа, однако приводит параллельно еще несколько подобных корней, ср. **mulъ / mulъ* ‘грязь, муть’ с размытой этимологией (см. ÈSSÂ: 187–188) и **mulъ(jb)* ‘комолый, безрогий’. Как представляется, вторая из этих этимологий вполне соотносится с представлением о стертости, сглаживании, обозначенном выше. Это позволяет предполагать связь между приведенными выше лексическими единицами, и рассматривать **smul-/ *šmul-* как состоящий из корня **mul-* и элемента **s-/ *š-* (s-mobile).

В некоторых случаях проявление этого элемента можно объяснить реализацией экспрессивной функции, о которой уже шла речь выше. Такой экспрессивную протезу можно встретить еще в одной группе слов со сходной семантикой, а именно, **в словах с основой **šmon-/ *šmun-/ *šman-***.

Эти лексемы представлены, прежде всего, в восточнославянских диалектах, где они реализуют практически все семы, заявленные выше для корней *štar-* и *štul-*: избивание (*ошманать* ‘избить’ (Panikarovskaâ 1993: 114); *отишмонуть* ‘оттереть, отскоблить’⁵ (SRNG 25: 10); трение, обдиранье, сглаживание (*ошманить* ‘ободрать, стереть (кожу)’; *ошмонить* ‘обтереть, оборвать’ и ‘обобрать’; *ошмунить* ‘оборвать, общипать’ (SRNG 25: 92–93); *ошманивать* ‘сгладить шероховатости при витке веревки’, *ошмунить снопы* ‘обмолотить снопы’ (SRNG 22: 272)⁶; движение (укр. диал. *шманятися* ‘слоняться’, *шмонить* ‘лодырничать, медленно что-л. делать’ (ESUM 6: 444); рус. диал. *шмонаться* ‘слоняться’, *шмонить* ‘лодырничать, бродить без дела’ (Mel’ničenko 1961: 219). Видимо, на основе представления о трении у производных этого корня развивается идея ухаживания: *шмонить* ‘ухаживать’, *шмоня* ‘милочка, любимая’ (Matveev (red.) 1988: 54), ср. в воровском аргю: *шмонь* ‘девушка’, *шмонька* ‘проститутка, женщина легкого поведения’, ‘женские гениталии’ (Mokienko, Nikitina 2000: 697), ср. бел. *шмонка* ‘мошонка’ (Nosovič 1870: 714).

На фоне представлений об интенсивных действиях руками (трение, сглаживание) органичными кажутся значения, связанные с идеей

⁵ сам пример, скорее, представляет сему ‘бить’ – *отишмонуть веником в бане*.

⁶ Такое развитие семантики заставляет усомниться в том, что болг. диал. *сман* ‘оставшиеся от жатвы стебли, которые используют для подстилки в хлеву’ следует через ассимилятивную эпентезу от. тур. *saman* ‘солома’, как это представлено в этимологическом словаре болгарского языка (Todorov, Račeva (red.) 2010: 155).

лишения имущества, обмана. Именно в этих значениях встречается подобный корень в различного рода арго (ср., например, Mokienko, Nikitina 2000: 697). Предполагается, что „практически все эти слова либо образованы от диалектизмов, либо диалектизмы способствовали возникновению в арго подобных слов” (Gračev, Mokienko 2000: 191). Действительно, в русских диалектах встречаем *шмонить* ‘лгать мошенничать’, ‘подговаривать на воровство, мошенничать’ (Dal’ 1882: 660); *шмонничать* ‘мошенничать’ (Mel’ničenko 1961: 219); *ошманать* ‘обмануть’ (SRNG 25: 92), *ошманать* ‘обворовать, ограбить’ (ср. такое же значение у *огладить*) (Panikarovskaâ (red.) 1993: 20, 114).

Подобные лексемы встречаются и в польских диалектах: *szmaniać* ‘исследовать содержание чужого кармана’ (Steffen 1984: 154); также ‘искать с целью кражи, чаще всего продуктов’ (Górnowicz 1974: 175).

Каково происхождение этих лексем? На польской территории встречаем также: *šmańati* ‘пользоваться левой рукой вместо правой’; *šmańa* ‘левша’, ‘левая рука у левши’ (Sychta 1985: 99); *šmaqda, šmaja, šmańelc* ‘левша’ (Sychta 1972: 271) *šmaia* ‘человек, работающий левой рукой’ (Szymczak 1970: 995); в кашубском *šmana, šmańda* ‘левша’ (Lorentz 1970: 473), в чешских диалектах *šmana, šmanda* ‘левая рука’, *šmajdak* ‘левша’ (Kott 1910: 116).

Как представляется, здесь выстраивается следующая семантическая цепочка: ‘действовать левой рукой’ > ‘совершать незаконные действия левой рукой’ > ‘грабить’. Выстроенная закономерность подтверждается также сходством следующих основ: кашуб. *šmaja* ‘левша’ (Sychta 1972: 271), а в мальборкском диалекте обнаруживаем *szmajtuch* ‘кот, который крадет еду’; *szmajtuszyć* ‘красть еду (о коте)’, которые сосуществуют с приведенной выше лексемой *szmaniać* (Górnowicz 1974: 175). Скорее всего, представление о движении в разных его реализациях вызывает к жизни такие образования, как пол. диал. *szmaja* ‘уличная девка’, *szmajchlowac się* ‘подлизываться, ухаживать’, *szmajchlyrz* ‘ухажер’ (Krop 1995: 284), чеш. диал. *šmaja* ‘женщина легкого поведения’ (Kott 1910: 116).

Возможна дальнейшая этимологизация названных лексем (см. Machek 1971: 350): польск. *mańkut*, чеш. *mandak* < итал. *manca* ‘левая рука’ < лат. *mana* ‘рука’, из чего следует, что рассматриваемая основа на глубинном уровне может быть представлена как заимствование.

Следует сказать, что наряду с вариантом **šmon-* в русских говорах встречается его вариант с инициальным **s-*: *смонуть* ‘тереть пол песком во время мытья; счищать листья с веток, горох и др.’ (Kirillova 1972: 243); *смониться* ‘делаться лохматым’; *смонуть* ‘обдирать листья,

собирать ягоды'; *смонуться* 'чесаться' (Kulikovskij 1898: 109), *осмонить* / *осмонуть* / *осмунить* 'теребя, очистить от листьев, шероховатостей', 'обмолотить; насобирать много ягод; оцарапать' (SRNG 24: 30). Как представляется, оба эти варианта (с инициальным *š- и с инициальным *s-) следует рассматривать как результат вторичного развития приведенного выше корня.

Таким образом, в число славянских образований с инициальным *šm-* / *sm* попадают не только непосредственные заимствования, но и лексемы, образующиеся на собственно славянской почве, возможно, в результате реализации экспрессивной функции языка (образования с корнем *šmul- и часть слов с корнем *šmar-) через ономотопею. По-видимому, нечто подобное происходит в случае корня *šmon-/ *šmun-/ *šman-, особенно если говорить о значениях, связанных с трением, обдираанием листьев и собиранием плодов.

Даже если признать, что в случае рассмотренных выше корней мы имеем дело не с заимствованиями, а с образованиями, возникшими на славянской почве, их **этимологизация представляет определенную трудность**, и это имеет место в случае многих слов с инициальным *šm-/ *sm-. Например, П. Скок считал ономотопеическими по происхождению сербские и хорватские глаголы *šmignuti*, *šmugnuti*, *šmúknuti*, *šmúrnuti*, *smaknuti*, *smucati se* со значением 'улизнуть' и говорил о переносе значения с быстрого движения на быструю еду: *šmúkat*, *smaknut* 'жадно есть' (Skok 1973: 406). И хотя считается, что словарь Скока содержит определенное количество неточностей, в нем также есть „удачные славистические решения” (Bezlaž 1975: 190). С другой стороны, авторы этимологического словаря украинского языка возводят укр. *смикати* 'резко тягать взад-вперед', *посмик* 'рвущее движение; репiс'; русск. диал. *смыкать* 'тягать взад-вперед, мыть, тереть, шлепать ногами', блр. *смыкаць* 'тягать взад-вперед', польск. *smukać* 'тягать взад-вперед, срывать, убегать, волочить по земле', чеш. *smýkati* и словац. *smýkat* 'тягать, волочить', в.-луж. *smukać* 'производить скользящие движения', н.-луж. *smukaś* 'засовывать туда и обратно', слн. *smíkati* 'увиваться вокруг кого-л.', ст.-сл. *смыкати са* 'ползать' к псл. **smykati* и далее к и.-е. **smeuk-/smeug*⁷ 'слизкий; скользнуть, проскочить' (ESUM 5: 321). Но к этому корню возводится укр. *шмигати* 'быстро идти, шнырять', а также *шмига* 'женщина легкого поведения', русск.

⁷ Авторы словаря приводят и.-е. корни без обозначения неслогового элемента дифтонга и долготы гласных.

шмыгать ‘шнырять’; но и ‘тереть, обдирать листья’⁸, блр. *шмыгаць*, польск. *szmygać*, болг. *шмугвам* ‘шнырять’, серб. *шмйгнути* ‘быстро убежать’ (ESUM 6: 446), даже не предполагая возможности реализации экспрессивной функции языка через оноματοпеею. Можно отметить, однако, что корень **šmy(i)g(k)-* / **šmy(i)g(k)-* представляет весь набор значений, что и корни **šmar-* / **šmul-* / **šmon-*: трение, движение, очищение (в т.ч. от листьев и плодов), сексуальное поведение и т.д. Возможно, большое количество единиц с одинаковыми инициальными согласными и сходными взаимосвязанными значениями втягивает в свою орбиту все новые и новые образования.

Поэтому кажется очевидным, что славянские лексемы с инициальным **šm-/sm-* следует рассматривать в комплексе и эта тема требует дальнейшего исследования.

Сокращения

- BTSRÂ – Kuznecov S. (red.) (2000): *Bol'soj tolkovyj slovar' russkogo âzyka*. Moskva.
 DWDS – *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*, <<https://www.dwds.de>>, dostup: 31.03.2025.
 ÈSSÂ – Trubačev O. (red.) (1994): *Ètimologičeskij slovar' slavânskikh âzykov*. Vyp. 20. Moskva.
 ESUM – Mel'ničuk O. (red.) (1982–2012): *Ètimologičnij slovník Ukraïns'koï movi*. T. 1–6. Kiïv.
 HJP – *Hrvatski jezični portal*, <<https://hjp.znanje.hr>>, dostup: 31.03.2025.
 RSBKE – Romanski S. (red.) (1959): *Rečnik na s"vremenniâ b"lgarski knižoven ezik*. T. 3. Sofiâ.
 RSJ – Nikolić M. (red.) (2011): *Rečnik srpskoga jezika*. Novi Sad.
 SB – Laučûte Ů. (1982): *Slovar' baltizmov v slavânskikh âzykah*. Leningrad.
 SRNG – Filin F., Sorokoletov F., Myznikov S. (red.) (1965–): *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Moskva–Leningrad.
 SS – *Słownik slangu*, <<https://www.miejski.pl/slowo-Szmul>>, dostup: 31.03.2025.
 SSJ – Peciar Š. (red.) (1959): *Slovník slovenského jazyka*. T. IV. Bratislava.
 SSJČ – Havránek B. (red.): *Slovník spisovného jazyka českého*, <<https://ssjc.ujc.cas.cz>>, dostup: 31.03.2025.
 SSKJ – Bajec A. (red.) (1985): *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Kn. 4. Ljubljana.
 SUM – Bilodid Ĭ. (red.) (1970–1980): *Slovník Ukraïns'koï movi*. T. 1–11. Kiïv.
 WSJP – Źmigrodzki P. (red.): *Wielki słownik języka polskiego PAN*, <<https://wsjp.pl>>, dostup: 31.03.2025

⁸ Ср. *отшмыгать* ‘обтрепать, истрепать, испачкать’ (дон.), ‘отшлифовать’ (SRNG 25: 11).

Літэратура

- Aláhnoviç M. i inš. (1989): *Dyàlektny sloŭnik Brèstčyny*. Minsk.
- Aniçènka U. i inš. (2003): *Fal'klorny sloŭnik Gomel'sčyny*. Gomel'.
- Anikin A. (2002): *Iz ètimologiçeskikh nablúdenij nad túrkizmami v russkikh govorah Sibiri*. [V:] Russkaâ dialektnaâ ètimologiâ. Red. M. Rut. Ekaterinburg, s. 30–32.
- Bacewicz J. (2021): *Kiedyscie to mieli gadanie. Gwary suwalskie*. Suwałki.
- Bâl'keviç I. (1970): *Kraëvy sloŭnik ushodnâj Magilëŭščyny*. Minsk.
- Bańko M. (red.) (2016): *Nie całkiem obce. Zapoŭżyczenia wyrazowe w języku polskim i czeskim*. Warszawa.
- Bezljaj F. (1975): *Petar Skok: Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 11. Zagreb, 1972*. [V:] Ètimologiâ 1973. Moskva, s. 181–191.
- Borys W. (2005): *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Čabanenko V. (1992): *Slovník govírok Nižn'oĭ Naddnìprânsini*. T. 4. Zaporìžžâ.
- Dał' V. (1882): *Tolkovij slovar' živogo velikorusskogo âzyka*. Izd. 2. T. IV. Sankt-Peterburg–Moskva.
- Dobrovol'skij V. (1914): *Smolenskij oblastnoj slovar'*. Smolensk.
- Dubisz S. (2018): „Szmal”, „szmalec”, „szmalcownik”, czyli o wchodzeniu słownictwa „niskiego” do języka publicznego. „Poradnik Językowy”, z. 4, s. 85–87.
- Duda Ī. (2009): *Lemkivs'kij slovník*. Ternopiľ.
- Fedorov A. (red.) (1979): *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoj oblasti*. Novosibirsk.
- Górniewicz H. (1974): *Dialekt malborski*. T. II, z. 2. Gdańsk.
- Gračev M., Mokienko V. (2000): *Istoriko-ètimomologiçeskij slovar' vorovskogo ŭargona*. Sankt-Peterburg.
- Gregor A. (1959): *Slovník nářečí slavkovsko-bučovického*. Praha–Brno 1959.
- Guzar G. (et al.) (1997): *Gucul's'ki govírki: korotkij slovník*. L'viv.
- Hobzej N. (et al.) (2009): *Leksikon l'vivs'kij: považno ì na ŭart*. L'viv.
- Kas'pároviç M. (1927): *Vicebski kraëvy sloŭnik*. Vicebsk.
- Kirillova T. et al. (1972): *Opyt slovarâ govorov Kalininskoj oblasti*. Kalinin.
- Klunduk S. (2010): *Slova da slova – budze mova. Dyàlektny sloŭnik vëski Fâdory. Brèst*.
- Kostecka-Sadowa A. (2015): *Rzeczownikowe zapoŭżyczenia wschodniosłowiańskie w gwarach polskich*. Kraków.
- Kott F.Št. (1910): *Dodatky k Bartošovu dialektickému slovníku moravskému*. Praha.
- Kozhinova A., Šerbaç I. (2005): *Nekotorye problemy izučeniâ zaïmstvovaniy iz zapadno-evropejskikh âzykov v russkikh dialektah*. „Russian Linguistics”, s. 347–364.
- Krop J. et al. (1995): *Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego*. Wisła–Ustroń.
- Kryvicki A. (red.) (1987): *Turaŭski sloŭnik*. T. 5. Minsk.
- Kryvicki A., Mackevič Ū. (1977): *Narodnaâ leksika*. Minsk.
- Kulikovskij G. (1898): *Slovar' oblastnogo oloneckogo narečîâ v ego bytovom i ètnografiçeskom primenenii*. Sankt-Peterburg.
- Kuncëviç L. (red.) (2008): *Narodnyâ skarby: Dyàlektalagičny zbornik*. Minsk.
- Larin B. (1931): *Zapadnoevropejskie èlementy russkogo vorovskogo argo*. „Âzyk i literatura”. T. VI, s. 113–130.
- Lastoŭski V. (1924): *Padručny rasijška-kryŭski (belaruskì) sloŭnik*. Koŭna.
- Lorentz F. (1970): *Pomoranisches Wörterbuch*. Bd II, 3. Berlin.
- Machek V. (1971): *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha.
- Mackevič Ū. (red.) (1986): *Slovník belaruských gavorak paŭnočna-zahodnâj Belarusi ì âe pagraničča*. T. 5. Minsk.
- Manaenkova A. (1989): *Slovar' russkikh govorov Belorussii: Vetkovskie govory*. Minsk.
- Matveev A. (red.) (1988): *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala*. T. 7. Sverdovsk.
- Meillet A. (1951): *Obšeslavânskij âzyk*. Moskva.
- Mel'niçenko G. (1961): *Kratkij âroslavskij oblastnoj slovar'*. Âroslavl'.

- Milerski W. (2009): *Zachodniocieszyński słownik gwarowy*. Czeski Cieszyn.
- Mokienko V., Nikitina T. (2000): *Bol'shoj slovar' russkogo žargona*. Sankt-Peterburg.
- Mucke E. (1928): *Slovník dolnosorbškej řeči a jeje narěcov*. T. 2. Praha.
- Nikolaev S., Tolstaâ M. (2001): *Slovar' karpátoukrajinskogo torun'skogo govora: s grammatičeskim i obrazcami tekstov*. Moskva.
- Nosovič I. (1870): *Slovar' belorusskogo narečija*. Sankt-Peterburg.
- Panikarovskaâ T. (red.) (1993): *Slovar' vologodskih govorov*. Vologda.
- Pful Chr.Tr. (1968): *Obersorbisches Wörterbuch*. Bautzen.
- Pirtej P. (2004): *Korotkij slovník lemkiw'skich govirok*. Īvano-Frankivs'k.
- Rejzek J. (2001): *Český etymologický slovník*. Leda.
- Rogova V. (red.) (1968): *Slovar' russkih govorov ūžnyh rajonov Krasnoârskogo kraâ*. Krasnoârsk.
- Sabadoš Ī. (2008): *Slovník zakarpats'koj govorki sela Sokirnicâ Husts'kogo rajonu*. Užgorod.
- Savčuk D. (2012): *Slovník ukrajinských govirok Karpats'kogo regionu: poâsnennâ ta pohodžennâ sliv*. Kiiv–Kosiv.
- Scâcko P. (2005): *Slouvník narodnâj movy Zêl'venščyny*. Grodna.
- Scâcko P. (1970): *Dyâlektny slovník (z gavorak Zêl'vânščyny)*. Minsk.
- Šilo G. (2008): *Naddništrâns'kij regional'nij slovník*. L'viv.
- Skok P. (1973): *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Kn. 3. Zagreb.
- Snoj M. (2016): *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana.
- Steffen W. (1984): *Slovník warmiński*. Wrocław et al.
- Stiber Z. (1979): *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*. Warszawa.
- Sychta B. (1972): *Slovník gwar kaszubskich*. T. V. Wrocław et al.
- Sychta B. (1985): *Slovníctwo kociewskie na tle kultury ludowej*. T. III. Wrocław et al.
- Todorov T., Račeva M. (red.) (2010): *B'lgarski etimologičen rečnik*. T. VII. Sofiâ.
- Trubačev O. (1985): *Praslavânskaâ leksikografiâ*. [V:] *Ètimologiâ*. Red. O. Trubačev. Moskva.
- Trubačev O. (1957): *Slavânskie ètimologii*. [V:] *Voprosy slavânskogo âzykoznanija*. Vyp. 2. Red. S.B. Bernštejn. Moskva.
- Ūrčanka G. (1998): *Sučasnaâ narodnaâ leksika: Z gavorki Mscislaŭščyny*. Minsk.
- Vasmer M. (1987): *Ètimologičeskij slovar' russkogo âzyka*. T. 4. Moskva.
- Vinogradov V. (1999): *Ahineâ*. [V:] V. Vinogradov: *Istoriâ slov*. Moskva, s. 41–54.
- Wronicz J. (red.) (2010): *Mały słownik gwar polskich*. Kraków.